

Театр “Эстония”: отчего здесь нет тех, кого режиссер “не видит”, а дирижер — “не слышит”?

Недавние гастролы Национальной оперы “Эстония” (в этом году ее зданию исполняется сто лет) на сцене Большого театра Беларуси оставили много не только собственно художественных впечатлений, но и размышлений о том, что неплохо бы перенять и чему поучиться у наших партнеров. Ведь здесь — и особый подход в формировании репертуара, и интересные идеи продвижения спектаклей, и умение выявить лучшее, спрятав от неспециалистов некоторые проблемы, и отношение к артистам.

“Мышиные истории”: тянул дед репку...

В своей репертуарной политике театр “Эстония” руководствует самым современным подходом. Он смело берет в репертуар не шибко “раскрученные” на постсоветском пространстве оперы и балеты. А обращаясь к бессмертной классике, прочно прописанной на всех сценах мира, ищет особые к ней подходы. Тот же “Щелкунчик” П. Чайковского идет у них с современной американской хореографией Бена Стивенсона. И это оказывается настоящим “попаданием в десятку” как для тамошней балетной труппы, так и для зрителей, ведь эстонские танцовщики, надо признаться, не сильно искушенные в балетной классике. Как можно было заметить по гастрольным спектаклям, рекламным роликам и фотоснимкам, там есть буквально единичные солисты (кстати, двое из последних — в прошлом белорусские артисты: Елена Шкатуло и ее муж Александр Коноплев). Но как умело “припрятаны” недостатки, свойственные, между прочим, едва ли не всей западной хореографии, более приученной к модерну! Едва ли не все первое действие “Щелкунчика” построено на отличительных пластических характеристиках, пантомиме с элементами народно-бытовых танцев. Эффект — колоссальный! У каждого из артистов — свой яркий образ, достигнутый без особого физического напряжения. Зрители — в восхищении! “Дополнительный бонус” — антракт, когда из закулисья появляется артистка кордебалета в сценическом костюме мыши, сделанным как ростовая кукла на пуантах, и начинает раздавать конфеты, фотографироваться с желающими.

На таком зрительском подъеме начинается второе действие, где неоклассической хореографии гораздо больше. Но продолжительная сольная партия Маши разделена между Снежной королевой и Феей Драже: Щелкунчик, превратившись в Принца, поочередно танцует с каждой. В итоге у солисток — всего по одному сольному фрагменту, подготовить и выполнить которые значительно проще. А Маша, которую дети уже успели полюбить, сидит на сказочном троне лицом к зрителям и так же, как они, наблюдает за представлением. Другими словами, героиня показывает детворе пример, как надо вести себя во время спектакля. Воспитательным приемом воспринимается и то, что Маша получает в подарок пуанты — также пример для подражания, своеобразная реклама балетной школы или студии! На идею семейного спектакля работает и новое либретто. Святки и Новый год предстают как празднование, где на равных участвуют все поколения: отцы и дети, деды и внуки. А из-за того, что каждый герой имеет свою выдержанную сюжетную линию и все они развиваются одновременно, смотреть спектакль интересно не только один раз, но и дважды-трижды. Идеальный балет для первого в жизни культпохода!

Двигатель — реклама

Реклама у эстонцев — настоящий двигатель. На каждый спектакль — шикарный буклет, причем довольно дешевый по сравнению с ценой наших программ, в которых информации и притягательных “картинок” куда меньше. Бесплатно — буклеты про театр. А отчего наш театр отказывается от такой традиционной, но эффективной меры, как размещение на стендах качественных фото со спектаклей? Да, на экране в фойе регулярно прокручиваются ролики с фрагментами ближайших постановок, но фото дает возможность разглядеть в нужном тебе темпе. Заинтересовал подарочный набор DVD с “нарезкой” со спектаклей, хотя она могла бы быть и более красноречивой.

На рекламу, как признался директор эстонской оперной труппы Март Микк, работает и прием дублирования названий. Когда один и тот же сюжет представляется в разных жанрах (к примеру, показанные у нас опера “Манон Леско” Дж. Пуччини и балет “Манон” на музыку Ж. Массне), то это вынуждает публику сходить на оба спектакля. Добавим: а также прочесть литературный первоисточник (в данном случае — роман француза А.Ф. Прево) и, что очень важно, сравнить все варианты. Кстати, “две Манон” с их темой “любовь или деньги” также приближаются к семейным спектаклям, но рассчитанным на более взрослую аудиторию — подростков и молодежь с родителями. На это работают и собственно постановочные средства: современная хореография К.Макмиллана, которой нарисовано XVIII столетие, а также еще более спорный перенос оперного действия в 1960-я, совершенный латышом А.Жагарсом.

В отличие от большинства наших постановок, каждая эстонская имеет точный “зрительский прицел”.

Алиса в закулисы: прикоснись к явлению

Были у эстонцев и художественные “изюминки”, некоторыми из которых можно было бы украсить и наш оперно-балетный “многоярусный торт”. Среди них — не только интересные находки, но и просто отличия от наших привычек, полезные для художественных итогов. Да, мы уже привыкли, что наш оркестр сидит в оперной яме следующим образом: струнные — слева, духовые — справа. А симфонический в филармонии — иначе: скрипки — слева, виолончели — справа, духовые — сзади. Конечно, здесь не может быть одного “рецепта”: каждый дирижер выбирает свой вариант. Эстонский оперный оркестр сидел приблизительно так, как наш филармонический. И это резко изменило его акустическое восприятие! Струнные зазвучали более колоритно и насыщенно, более “объемно” в пространстве, духовые — мягко, без нажима. Все вместе приближалась к неделимому миксту, притом, что в нашем оркестровом звучании каждая партия часто воспринимается порознь, как несведенные треки, без общего обертонового воздуха. Может, и действительно нам следует продолжить эксперименты с разной посадкой музыкантов? Ведь достижение баланса между солистами и оркестром, а также между отдельными оркестровыми группами у нас бывает не всегда простым.

Вместе с тем, спектакли театра “Эстония” стали ярким примером огромной роли дирижера во всех этих процессах.

Хорошей оперной акустике способствовал и следующий прием, не менее простой по воплощению: установка на сцене так называемого ящика с единственной открытой “поверхностью” — в сторону зала. На это “К” обращала внимание уже не на одном гастрольном показе: гости стремятся предохранять себя от опасности быть неуслышанными, и сценические “уловки” помогают им петь без напряжения, беречь вокальный аппарат. Наши же певцы (в особенности когда на сцене, наоборот, помещается

